

Гурген Овнан

Россия и армянская культура¹

(Краткий очерк)

I

В 1828 г. часть Армении была присоединена к России. Экономическое и политическое общение с передовыми центрами России быстро подняло ее экономический и культурный уровень.

Еще до присоединения Армении к России на русском языке была издана довольно обширная литература о прошлом и настоящем Армении, ее истории и географии. В 1809 году вышло в свет первое русское издание „Истории армян“ Моисея Хоренского, были изданы русско-армянские словари и т. д.

В 1815 году был основан в Москве Лазаревский институт, который дал ряд замечательных людей, сыгравших крупную роль в деле сближения восточных народов, в особенности армян, с русской культурой, а также распространения в России армянской культуры.

После присоединения Армении к России количество русских изданий об Армении и ее истории достигло крупных размеров. Во главе этого дела стояли Лазаревский институт и его лекторско-профессорский состав. Особенно большой успех среди этих изданий имели выпущенный Лазаревским институтом, под редакцией Сергея Глинки (брата знаменитого композитора), в трех томах „Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа“ (Москва, 1833—1838 гг.), и его труд: „Краткая история Армении“.

Проявленный армянским народом интерес к России и русской культуре также имеет свою далекую историю. Как известно, представители армянского народа, желая связать судьбу Армении с Россией, начали вести переговоры в этом направлении еще с Петром Великим². Следует, однако, отметить, что этот интерес к России принял более глубокий и организованный характер после присоединения Закавказья к России. Передовые сыны русского народа со своей сто-

¹ В предыдущем номере „Известий“ (5—6) в нашей статье „Великая культура великого народа“ мы говорили о великой русской культуре, о высказываниях Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина о мировом значении этой культуры.

В этой статье мы остановимся на роли передовой русской культуры в деле развития и процветания армянской культуры, литературы и искусства.

² См. Г. А. Эзов—Сношения Петра Великого с армянским народом. Изд. 1898 г.

роны также проявляют огромный интерес к Закавказью и Армении. Необычайно богатая природа Закавказья и своеобразный быт его населения привлекают к себе внимание блестящих светил русской литературы того времени. В 20—30 годах прошлого столетия посетили Закавказье Пушкин, Грибоедов, Лермонтов и многие другие. В архивной и мемуарной литературе не мало замечательных фактов, говорящих, с какой любовью и уважением местное население встречало этих гениев. Пушкин, Грибоедов, Лермонтов своим глубоко человеческим отношением к местному населению и своими ясными, популярными произведениями пробудили любовь закавказских народов к русскому народу и его великой культуре. Заслуживает внимания также одно характерное обстоятельство, а именно: знаменитая комедия Грибоедова „Горе от ума“ была представлена впервые в 1827 году в Ереване в присутствии автора. Это была первая и единственная постановка, которую Грибоедов имел счастье видеть. Характерно также то, что произведения Пушкина, еще при жизни его, были переведены на армянский язык („Бахчисарайский фонтан“, „Кавказский пленник“ и пр.). А в 1843 году в Москве были изданы на армянском языке произведения Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Баратынского и Гнедича.

В деле пробуждения интереса и любви среди местного населения к русскому народу и его культуре имеют значительные заслуги высланные в Закавказье декабристы. Такие выдающиеся фигуры декабристского движения, как Кюхельбекер, Якубович, Пущин, писатель Марлинский, поэт Одоевский и многие другие, обрели покой для своей непокорной и мятущейся души среди кавказских народов.

Свободолюбивые сыны русского народа, в силу исторических обстоятельств, делились своими мыслями и чаяниями с кавказскими народами. Живое общение кавказских народов с этими титанами русской литературы и общественной мысли имело огромное влияние на умственную и общественную жизнь этих народов. Бесспорно, армянская интеллигенция нового периода получила от этого общения огромную зарядку.

Быстрый рост армянской культуры и литературы в этих новых условиях общественных отношений обусловлен еще одной важной причиной, а именно: очаги развития этой культуры не ограничились пределами Закавказья. Уровень экономического развития и экономических отношений в Закавказье и особенно в Армении не мог открыть для развития армянской культуры широких возможностей. Более быстрый рост армянской культуры в этих условиях объясняется также тем, что очагами развития этой культуры явились экономически и культурно развитые центры России, как, например, Москва, Петербург, Нахичевань н/Д, Казань и пр.

Таким образом, свою жажду в умственной жизни армянская молодежь удовлетворяла не в своей стране, где отсутствовали соответствующие возможности, а вне ее. В этом отношении весьма харак-

терно то, что в этот период и в последующие годы новейшая армянская интеллигенция всецело проходит через горнило русской культуры. Десятки и сотни студентов-армян обучались в русских университетах, институтах и пр. Эта именно интеллигенция основывает в разных городах России первые органы периодической печати русских армян.

В 1850 году в Тифлисе начал выходить в свет политический и литературный еженедельник „Арагат“ под редакцией Габриела Паткаяна; это было первое периодическое издание русских армян, выходившее на современном армянском языке „ашхарабар“. Спустя восемь лет, в 1858 году, под редакцией известного публициста Степана Назаряна, начинает выходить в Москве газета „Юсисапайл“ („Северное сияние“), которой было суждено сыграть крупную роль в общественной жизни армян. После „Юсисапайла“ армянская периодическая печать растет и развивается быстрым темпом. В разных городах России начинают выходить один за другим десятки новых газет и журналов.

С этого именно периода начинается новая полоса развития армянской общественной мысли. Литература, искусство и вся культура этого периода характерны тем, что они растут, развиваются под сильным влиянием великой русской культуры, русской общественной мысли.

Первой крупной культурной, литературной, общественной фигурой в армянской действительности первой половины XIX века является Хачатур Абовян (1805—1848). С него и начнем.

II

Велика и неопенима роль Абовяна в деле создания братской и нерушимой дружбы между армянским и русским народом. За глубокую любовь и симпатии, которые питала передовая армянская интеллигенция XIX века к русскому народу, к его культуре и литературе, мы почти всецело обязаны Абовяну. Абовян был первым армянским писателем, который поднял в 30—40 годах XIX века великое знамя дружбы между этими двумя народами. Именно Абовян, в условиях армянской клерикальной действительности, разъяснил народу, армянскому трудящемуся крестьянину, что от тяжелого персидского ига армянский народ может освободиться и встать на путь национального возрождения лишь при содействии русского народа, его вооруженных сил. Сам Абовян упорным трудом на протяжении многих лет изучал и великолепно знал русскую жизнь, историю русского народа, его литературу. Абовян в совершенстве владел русским языком и оценивал его весьма высоко.

В тридцатых годах прошлого столетия он подготовил „Новую русскую теоретическую и практическую грамматику для армян“, — весьма ценный научный труд, который, к сожалению, остается неизданным до настоящего времени.

Своим глубоко научным содержанием, охватом многих вопросов умственной жизни, своими теоретическими обобщениями эта работа являлась крупным шагом в развитии научной мысли того времени. Вот что пишет в предисловии к этой книге Абовян о русском языке: „А какой из восточных или из западных языков может в этом отношении споспешествовать нашей нации более всех, как не русский, которого польза и качества заставили и образованных народов нашего времени заниматься им, тем более армян, которые видят всю необходимость изучения его и чувствуют пользу, которую они могут извлекать из него...“ Сравнивая русский язык с целым рядом других языков, Абовян находит, что те не обладают „мягкостью и сладкозвучием русского языка“. На одной из последующих страниц того же труда Абовян определенно подчеркивает, что „русский язык один из обширнейших и необходимейших языков на земном шаре“.

В упомянутом труде Абовян с глубокой любовью и симпатией говорит о крупных представителях научного и литературного мира XVIII и начала XIX веков. Он много уделяет места в своей книге гениальному сыну русского народа, первому замечательному русскому поэту и ученому Ломоносову, говорит о Жуковском, Карамзине, Державине, Дмитриеве, Востокове, Грече и других, приводит в своей книге выдержки из их произведений.

„Новая русская теоретическая и практическая грамматика для армян“ является блестящим документом, который свидетельствует о глубоком знании русской жизни и о высокой оценке автором русской культуры, литературы и языка.

Самый крупный труд Абовяна, шедевр среди его произведений—это исторический роман „Раны Армении“. Этот роман—исключительное явление в истории нашей литературной жизни. Трудно определить в нескольких словах место и значение его в армянской действительности, в истории армянской общественной мысли. „Раны Армении“—это грозный крик протеста и борьбы армянского народа против мерзких деяний персидских деспотов, восточных феодалов. „Раны Армении“ блестящая страница борьбы армянского народа за свою национальную самостоятельность и независимость. Каждая страница в романе, каждая его строчка дышит патриотизмом и героизмом. Это—первый роман в армянской литературе из народной жизни, написанный на народном языке, выражающий его боевые традиции, вековые мечты и чаяния. Здесь нас занимает политическая и идейная сторона романа, а потому мы не останавливаемся на его крупных литературных достоинствах.

Главный герой романа Агаси, вышедший из гущи народа, восстает против феодальных порядков персидских деспотов. Со своими отважными товарищами он поднимает в ряде районов Армении знамя борьбы против персидских зверств во имя национальной независимости, во имя национального освобождения.

Продолжительная партизанская борьба с персидским деспотиз-

мом приводит Агаси и его товарищей к убеждению, что такой формой борьбы невозможно освободить народ; чтобы разбить оковы тяжелого персидского ига, необходима помощь другой, более сильной державы. Такой державой для Абовяна была Россия. „Россия—самое сильное государство в Европе“,—говорит Абовян.

Как раз в это время начинается русско-персидская война (1826—1828 гг.). Без колебаний присоединяется Агаси со своими товарищами к русской армии, оказывает ей большие услуги и вместе с ней победным маршем вступает в Ереван. Яркими красками передает Абовян в своем романе любовь и симпатии армянского народа к России и русскому народу. Армяне встречают русскую армию с глубокой любовью и сердечностью. Он благословляет вступление русских в Армению. „Да будет благословен час, когда благословенная нога русских вступила в страну армян и прогнала из нашей страны злой дух перса. Пока мы дышим, день и ночь мы должны помнить выстраданные нами дни, и, при виде русских, должны перекреститься, благословлять бога“... Абовян не забывает тяжелые дни, пережитые его народом под персидским игом. „Но что мы пережили, пока достигли этого счастья, сколько посыпалось пуль на голову нашей бедной нации, сколько мечей вонзилось нашему народу в сердце, как истекал он кровью, сколько раз мы были согнаны с наших насиженных мест, сколько погибло вельмож, кто в огне, кто под дубиной“...

Тяжелы были раны, нанесенные Армении и ее народу Персией. Абовян не может забыть этих ран, и это именно обстоятельство вызывает у него и у армянского народа такую глубокую любовь к русским. „Это—храбрая русская душа спасла нас“,—не раз повторяет Абовян в своем романе.

Абовян вспоминает нашествия иноземных государств на Армению, кровавые следы, тяжелую память, оставленные этими государствами в стране. И недаром он с воодушевлением отмечает, что „...Россия окончательно стерла оставленную этими странами память и подняла храбрость, великодушные, доброту, человеколюбие русских до небес“. Так мог охарактеризовать и возвеличить русскую душу лишь тот, кому была близка великая Россия, ее жизнь, ее культура. Таким именно был наш Абовян.

Тяга к России и русской культуре появилась у Абовяна еще в раннем возрасте, в те годы, когда он обучался в Нерсисян семинарии.

Абовян ставил перед собой единственную цель—учиться по возможности больше, приобрести большой запас знаний и культурных ценностей и все это поставить на службу народу. Абовян учился только лишь для того, чтобы быть полезным своему народу.

Он не мог не понимать, что пропаганда русской культуры в армянской действительности во всех отношениях целесообразна и диктуется жизнью, что овладение этой культурой необходимо для армянского народа более, чем какой-либо иной культурой. Эта необхо-

димось вытекала хотя бы из того, что Армения уже жила одной и той же государственной и политической жизнью с Россией. Вот где кроются истоки любви Абовяна к России, вот в чем основная причина русской его ориентации. И за очень короткий промежуток времени Абовян блестяще овладевает русским языком и вообще русской культурой. Не случайно Абовян пишет: „Русский язык—это наш государственный язык, мы должны ставить его выше всего“... С этим влиянием и направился Абовян в Дерпт.

В то время Дерпт входил в состав российской территории; а потом семья Паррот, в которой жил Абовян, питала глубокие симпатии к России, она даже была связана с русской государственностью,— обстоятельство, которое также нельзя игнорировать.

В Дерпте Абовян встречается с целым рядом видных фигур русской общественной мысли того времени. Отметим некоторых из них. Абовян с глубокой симпатией упоминает в своем дневнике встречу свою с представителем русской романтической поэзии Жуковским. Эта встреча с Жуковским и продолжительная дружеская беседа с ним глубоко взволновали и воодушевили Абовяна. Но вот встреча с другим представителем русского общества, с одной из крупных фигур русской реакции—Булгариным, произвела на него совершенно другое впечатление и имела иные последствия. В 1834 году Абовян решил написать статью, посвященную памяти поэта Аламдаряна. Аламдарян был одной из крупных личностей 20—30-ых годов XIX в., сыгравшей значительную роль в армянской действительности в деле пропаганды русской культуры. Он вырос в России и был пропитан духом русской культуры, был вызван из Москвы в Тифлис для руководства только что открывшейся Нерсисян семинарией. Абовян был учеником Аламдаряна и духовно был связан с ним, находился под его значительным влиянием. Аламдарян составил первый русско-армянский словарь, изданный в 1821 году. Статью, посвященную памяти Аламдаряна, Абовян хотел поместить в газете „Северная пчела“, редактором которой состоял Булгарин. На этой-то почве они имели серьезное столкновение и оскорбили друг друга. Об этом столкновении с Булгариным Абовян с волнением, в мрачных красках рассказывает в своем дневнике дерптского периода.

Многие студенты Дерптского университета, учившиеся вместе с Абовяном, органически были связаны с русской культурой. Что же касается товарищей Абовяна, то некоторые из них уже тогда делали попытки переводить произведения русских писателей и поэтов. Сам Абовян также дал в тот период значительное количество переводов. После дерптского периода своей жизни Абовян все более и более углублялся в изучение русской жизни, культуры и литературы. Он целым рядом весьма удачных переводов положил начало делу переводов из русской поэзии, которое в последующие годы с такой любовью и энтузиазмом продолжали крупные армянские писатели и поэты. Из русских поэтов Абовяном переведены произведения Карам-

зна, Крылов, Хемницера и ряда других авторов; в своих трудах он упоминает и приводит образцы из произведений Жуковского, Державина, Грибоедова. Часть переводов из произведений русских поэтов Абовян поместил в сборнике „Парап вахти хагалик“ („Досужее чтение“). В предисловии к этой книге Абовян пишет: „Переводы я сделал так, чтобы нашему народу они были по душе“. Как мы видим, эти переводы также преследовали определенную цель — ознакомить армянский народ с лучшими образцами русской поэзии того времени.

Абовян великолепно отличал русское чиновничество, болгаринных от русских просветителей, и насколько велики были его протест и ненависть к первым, настолько была велика и безгранична его любовь ко вторым.

Абовян составляет лишь одно из звеньев нашего общего очерка и в этом кратком очерке невозможно исчерпать все то, что касается вопросов отношения Абовяна к русской жизни и культуре.

Абовян, как первый крупнейший писатель и ученый XIX века, как великий сын армянского народа и выразитель его жизни и стремлений, пророчески предвидел великую и решающую роль России в политической, экономической и культурной жизни Армении и в своих замечательных произведениях выразил ранний период великой дружбы между русским и армянским народами. В дальнейших разделах этого очерка читатель увидит, как начиная с Абовяна воспитывались и росли в лучших, передовых традициях русской культуры крупнейшие представители армянской общественной мысли.

III

Все явления, имевшие место в русской общественно-политической жизни в результате присоединения Кавказа к России, находили живой отклик также в кавказской действительности. Эти явления сыграли решающую роль в дальнейшей судьбе народов Закавказья. Неразрывно связав свою судьбу с судьбой многомиллионного героического русского народа, переживая одинаково с ним экономическое и политическое состояние, эти народы разделяли судьбу великого русского народа в его исторической борьбе за свободу, они получили возможность быстро встать на путь национального возрождения. В этом отношении весьма характерны отголоски великих движений русской жизни шестидесятых годов в армянской действительности и умственной жизни.

Шестидесятые годы были великими и знаменательными датами в истории общественной мысли России. Освободительное движение крестьян, быстрое развитие революционно-демократической мысли по всей России приняли широкий размах. Именно в начале шестидесятых годов Маркс в своем письме к Энгельсу говорил: „В России движение зашло вперед дальше, чем во всей остальной Европе. В пред-

стоящей революции Россия примет участие с большой готовностью¹.

После Белинского выступили на арену новые гении русской мысли, которым удалось вызвать глубокий переворот в русской общественной жизни.

Во главе с Чернышевским, Добролюбовым русская революционно-демократическая мысль выросла и поднялась до небывалой для России ступени.

Чернышевский, этот „великий материалист России“, как назвал его Ленин, стал вождем революционно-демократического движения. Передовыми представителями этого великого движения были: Некрасов, Салтыков-Щедрин, Глеб Успенский, Помяловский и многие другие.

В этот период за границей, в Лондоне, вела активную работу другая группа русского освободительного движения с участием Герцена, Огарева и многих других.

В этой именно обстановке, в огне борьбы Чернышевского и Герцена, выросла, оформилась и вместе с ними развернула активную деятельность одна из блестящих фигур армянской литературы, крупнейший представитель армянской передовой мысли XIX века Микаел Налбандян (1829—1866 гг.).

Микаел Налбандян — самый блестящий и передовой представитель армянской культуры, армянской общественной мысли XIX века. Ему было суждено за очень короткий промежуток времени своей литературной и общественной деятельности сыграть крупную и решающую роль в общественной жизни армянского народа. Заслуживают внимания горестные страницы его бурной жизни. Начальное свое образование он получил у известного арменоведа священника Габриела Патканяна. В возрасте 18—19 лет Налбандян стал ярым врагом армянского духовенства. Впервые из уст Налбандяна услышало армянское клерикальное духовенство острое, изобличающее слово, которого оно не слышало во всей своей вековой истории. И недаром по настоянию армянского духовного центра—Эчмиадзина наместником на Кавказе Воронцовым были предприняты серьезные гонения против Налбандяна. Видя, что армянское духовенство всячески пытается погубить его, прибегая к чудовищным интригам без разбора в средствах, Налбандян в 1853 году бежал в Москву, а оттуда в Петербург. Принявшись с большой энергией за самообразование, он сдал экстерном экзамены при восточном факультете Петербургского университета и получил должность преподавателя армянского языка в Лазаревском институте. Однако гонения со стороны Эчмиадзина не прекратились и, в результате темных интриг, Налбандян был арестован. Будучи освобожден через некоторое время из-под ареста, Налбандян как подозрительная личность, остался под надзором полиции.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, стр. 117, изд. 1932 г.

По выходе из тюрьмы у Налбандяна начинается новый, более зрелый период жизни. Этот период характеризуется тем, что Налбандян энергично принимается за изучение общественных наук и одновременно серьезно следит за новыми явлениями в русской жизни. Благодаря своей неутомимой энергии за короткий промежуток времени Налбандян глубоко усваивает передовые идеи русской общественно-политической жизни того времени.

Поступив вольнослушателем на медицинский факультет Московского университета, Налбандян, параллельно с естественными науками, упорно продолжает изучение гуманитарных наук. В эти годы он принимает участие в тех группах студенческого движения, общими идейными руководителями которых являлись Чернышевский и Добролюбов.

В 1858 году, под редакцией профессора Лазаревского института, известного публициста Степаноса Назаряна, в Москве начинает выходить в свет журнал „Юсисапайл“ на разговорном языке „ашхарабар“. Этот журнал ставил своей целью распространение передовых идей России и Европы в армянской действительности. С первого же дня выпуска „Юсисапайла“ Налбандян стал одним из основных и главных его сотрудников. И крупной ролью, сыгранной журналом в армянской умственной жизни, мы, несомненно, обязаны Налбандяну.

Внимательно следя за передовыми русскими журналами того времени, главным образом за „Современником“, используя их прогрессивные революционно-демократические идеи, вооружившись этими идеями, Налбандян часто, вопреки воле не только остальных сотрудников журнала, но и самого редактора, упорно проводил свои революционно-демократические идеи в журнале и давал тон общему направлению его.

В „Юсисапайле“ Налбандян печатал оригинальные и переводные стихотворения, статьи о языке, литературе, науке и о целом ряде вопросов политической и общественной жизни, переводил для журнала различные статьи. Словом, Микаел Налбандян являлся душой и двигателем „Юсисапайла“.

Для восстановления расстроенного здоровья и ознакомления с западной передовой мыслью Налбандян выезжает в 1859 году за границу, где посещает ряд центральных городов Европы, как, напр., Вену, Берлин, Гамбург, Париж, Лондон, Венецию и пр. Это путешествие имело огромное значение в деле расширения умственного горизонта Налбандяна, в понимании сложных общественных явлений и особенно в отношении нового размаха его дальнейшей революционно-демократической деятельности. Путешествие это дало Налбандяну возможность глубже проникнуть в дело изучения социальных и экономических наук, особенно материалистической философии.

Из заграничной поездки он послал свой известный „Дневник“, который был помещен в ряде номеров „Юсисапайла“ за подписью Комс. Эммануил. В октябре 1859 года Налбандян вернулся в Россию. В Петер-

бурге он поступил на восточный факультет университета вольнослушателем и успешно окончил его в 1861 году.

Из Петербурга Налбандян выезжает в свой родной город Нахичевань н/Д, а затем в Армению. Прожив несколько месяцев в Армении, Налбандян имел возможность ближе ознакомиться с тяжелым экономическим и политическим положением армянского народа. Его глубоко взволновали культурная отсталость, тяжелое материальное положение народа, его бесправное, рабское состояние. Налбандян видел, как армянское духовенство и ростовщики безжалостно эксплуатировали, обессиливали народ.

Из Армении Налбандян направляется через Константинополь в Париж, где сдает в печать свой известный памфлет под заглавием „Две строки“. В нем он разоблачает и бичует подлые проделки армянского духовенства, его обскурантизм, его уголовные проступки перед народом и пр. Он разоблачает и бичует реакционных деятелей армянской действительности Чамурчяна и Габриела Айвазовского. В „Двух строках“ Налбандян выступает как революционный демократ, как герой-боец, вооруженный русскими передовыми идеями. „Две строки“ говорят о глубокой любви Налбандяна к народу, о безграничной его преданности народу.

Смысл и цель своей жизни Налбандян видит в борьбе за освобождение народа. В „Двух строках“ он пишет: „Мы добровольно посвятили себя защите прав простого народа. Мы не посвятили свою личность и перо богачам. Под кучами своего золота они всегда неуязвимы и при власти тиранов.“

Но тот бедный армянин, тот эксплуатируемый, жалкий, нищий, голый и голодный армянин, угнетенный не только чужими варварами, но и своими богачами, своим духовенством... вот этот армянин по праву и справедливости занимает наше внимание и опять-таки ему без минутного колебания мы посвятили все наши силы.

Защитить поправное право этого армянина — подлинный смысл и цель нашей жизни. И чтобы добиться этой цели, мы не остановимся ни перед тюрьмой, ни перед ссылкой, не только словом и пером, но и оружием и кровью, если когда-нибудь удостоимся взять оружие в руки и проповедуемую до сих пор свободу омыть нашей кровью.

Вот наша вера, в которой мы видим спасение нашей нации¹.

В январе 1862 года Налбандян знакомится за границей с Герценом, Огаревым и Бакуниным. Начинается новая, более бурная полоса революционно-демократической деятельности Налбандяна. Знакомство Налбандяна с этими виднейшими фигурами русского революционного движения шестидесятых годов имело огромное значение для его дальнейшей революционно-демократической деятельности. Между Герценом и Налбандяном устанавливается сердечная дружба.

Налбандян увлекается работой „Лондонских пропагандистов“,

¹ М. Налбандян. Сочинения, т. II, стр. 283, 1906 г.

принимает активное участие в их революционно-демократической деятельности.

„Лондонские пропагандисты“ с своей стороны, особенно Герцен и Огарев, видели в лице Налбандяна в высшей степени честного, правдивого человека, всецело преданного делу революции. В своих беседах и письмах они говорят о Налбандяне с глубокой любовью и симпатией.

В письме к И. С. Тургеневу от 11 апреля 1862 года Герцен представляет ему Налбандяна с особой оценкой: „Записку эту тебе доставит благороднейший и добрейший доктор медицины и армянин *Налбандов*. Прими его мило, он вполне заслуживает“¹.

При отъезде Налбандяна в Россию Бакунин, в числе прочих поручений, просит его оказать всяческое содействие выезду его жены из Сибири в Петербург, а затем в Лондон. Герцен в душе был против этого плана Бакунина и всячески старался удержать Налбандяна вдали от Бакунина, так как опасался, что участие Налбандяна в переезде жены Бакунина повредит Налбандяну.

В своем письме к И. С. Тургеневу от 21 апреля 1862 года это свое стремление—удержать Налбандяна вдали от Бакунина—Герцен сообщает также и даже просит Тургенева с своей стороны предостеречь Налбандяна: „Налбандов—очень и очень честный и хороший человек. Не вели ему возить сюда жену Бакунина. Прилагаемое письмо отдай Налбандову, если он не уехал. Если уехал, привези его с собой“².

Через Герцена и Огарева Налбандян близко знакомится также с работавшими в России революционными демократами, устанавливает с ними связь для совместной работы. В своих письмах в Россию Герцен часто упоминает о Налбандяне. В этом отношении интересно письмо Герцена к Н. Т. Серно-Соловьевичу от 20 июня 1862 года, в котором он пишет о Налбандяне следующее: „Поклонитесь ему—это преблагороднейший человек; скажите ему, что мы помним и любим его“³.

Не только Герцен говорит о Налбандяне с такой любовью и исключительной симпатией. В том же письме Герцена к Серно-Соловьевичу Огарев пишет о Налбандяне: „Налбандов—золотая душа, преданная бескорыстно, преданная наивно, до святости“⁴.

Что же касается Бакунина, то он во многих своих письмах высказывает свое восхищение Налбандяном. Приведем лишь один пример. В своем письме к невестке от 16 июня 1862 года Бакунин пишет: „Познакомься ты хорошенько с Налбандовым, приласкай его. Он золотой человек—весь душа и весь преданность. Ты, я думаю, полюбишь его с первого раза. Вот И. С. Тургенев, например, другое

¹ А. И. Герцен. Полное собр. соч., т. XV, стр. 105, изд. 1920 г.

² А. И. Герцен. Избран. сочинения, стр. 484, изд. 1937 г.

³ А. И. Герцен. Полное собр. сочин., т. XV, стр. 219, изд. 1920 г.

⁴ М. Лемке. Очерки освобод. движ. 60-х годов, стр. 22, изд. 1908 г.

дело—он также очень добр, да бог и знает, что бог. Он и умен и любезен, да помнит себя—нет той святой простоты, что в Налбандове¹.

И. С. Тургенев так же, как и Герцен, Огарев, Бакунин, в своих письмах говорит о Налбандяне с исключительной любовью и симпатией. Такое отношение Тургенева к Налбандяну видно, например, из письма Бакунина.

Вот что пишет Бакунин Налбандяну в письме от 24-го апреля 1862 года: „Я, мы все очень рады, что вы так полюбились старому Тургеневу, а так как чувства всегда бывают взаимны, то и он, без сомнения, вам полюбился не менее.—Я получил его письмо и буду отвечать сегодня вечером“².

В этих благоприятных условиях общения с русскими эмигрантами Налбандян посвящает себя всецело русскому освободительному движению, в котором видит он спасение своего народа.

В мае 1862 года, под псевдонимом Симен Маникян, в Париже выходит в свет труд Налбандяна „Земледелие, как верный путь“. Это один из самых ценных теоретических трудов Налбандяна. Ряд теоретических мыслей в труде Налбандяна вытекал из общих идейных принципов Герцена и вообще „Лондонских пропагандистов“. С этим трудом Налбандяна и его содержанием были знакомы Герцен, Огарев, Бакунин и другие его единомышленники в Лондоне. Значительная часть экземпляров „Земледелия“ была послана в Лондон для того, чтобы оттуда вместе с „Колоколом“ нелегально отправить в Россию для распространения.

Велика роль Налбандяна в армянской действительности. Он сумел своей революционной деятельностью и замечательными произведениями поднять армянскую общественную мысль на новую ступень развития. Жизнь и деятельность его совпали с таким замечательным историческим периодом, когда развивали свою деятельность Чернышевский, Добролюбов, Герцен, Некрасов, Щедрин, Огарев и ряд других представителей русской революционно-демократической мысли. В результате исторически сложившейся обстановки Налбандян стал соратником этих знаменитых деятелей и разделил их участь. Вооруженный теми же революционно-демократическими идеями, Налбандян повел беспощадную борьбу почти во всех областях армянской общественной жизни. Налбандян обладал крупной эрудицией и глубокой научной мыслью. Он писал по вопросам политическим и общественным, по многим вопросам языка, религии, философии, истории, литературы. Налбандян оставил нам в наследство прекрасные стихотворения и сочинения в прозе. Во всем этом многообразии своего творчества Налбандян сохранял высокое звание великого революционера и демократа.

Среди трудов Налбандяна его „Критика“ занимает исключи-

¹ М. Лемке. Очерки освобод. движ. 60-х годов, стр. 124, изд. 1903 г.

² Там же, стр. 76.

тельное место. Подвергнув роман П. Прошяна „Сос и Вартитер“ глубокому анализу, Налбандян, путем блестящего применения критических методов Чернышевского и Добролюбова, показал значение и ценность этого романа в истории армянской литературы. Эта критика дала Налбандяну возможность развить одновременно свои взгляды по вопросам литературы и искусства.

Известно, с какой страстностью защищали произведения гениального Гоголя Белинский, Чернышевский, Добролюбов и вообще группа „Современника“. Налбандян, также высоко ставя изобличительный критический реализм Гоголя, в своей „Критике“ говорит об одном написанном под влиянием Гоголя армянском романе, продолжение которого цензура не разрешила печатать в журнале „Юсисапайл“. Это был роман студента Московского университета Г. Тер-Ованнисяна „Тер-Саркис“. Вот что пишет Налбандян об этом романе: „Если когда-либо будет закончен этот недоконченный труд в том же духе и с таким же искусством, то он займет в нашей новой литературе такое же место, какое заняли в русской литературе „Мертвые души“. Пусть примет нашу искреннюю благодарность армянский Гоголь, которому желаем блестящую будущность“¹.

Как Чернышевский и Добролюбов, Налбандян превратил свою литературную критику в орудие пропаганды своих революционных идей, в средство пробуждения общественного сознания трудящихся масс. Он сумел поднять эти массы на борьбу за политическую свободу, против эксплуатации и угнетения.

Литература служила Налбандяну оружием борьбы и он своими блестящими произведениями показал, как надо использовать это оружие. Каждая статья, каждое стихотворение Налбандяна взрывались, как бомба, в болоте армянской действительности. Недаром клерикально-реакционная армянская печать не разбиралась в средствах для того, чтобы закрыть „Юсисапайл“ и заставить Налбандяна замолчать. Велика роль поэта Налбандяна в истории армянской поэзии. Он был истинным поэтом-гражданином, певцом, борющимся за свободу. Вот как воспеваеет Налбандян идею свободы в своем прекраснейшем стихотворении „Песнь о свободе“:

„Свобода!—воскликнул я! Пусть над моей головой гремит гром и сверкает молния, огонь, меч. Пусть враг кует свои козни,—я до ора смерти, до виселицы, позорного столба буду все кричать, повторять—свобода“².

Налбандян заложил фундамент революционной политической поэзии в армянской литературе. В этом отношении совершенно справедливо литературатор Георг Брандес, когда в своей книжке, изданной в 1906 году, пишет, что „Налбандян дал армянскому народу его песню свободы“³. Дальнейшее развитие армянской революционно-де-

¹ М. Налбандян. Сочинения, т. III, стр. 120, изд. 1940 г.

² Дословный перевод.

³ Георг Брандес. Армянский вопрос, стр. 20, изд. 1906 г.

мократической поэзии характерно тем, что она развивается под непосредственным влиянием Налбандяна. Налбандян переводил также лучшие образцы русской поэзии. Из Пушкина он перевел „Черкесскую песню“, „Поэт“, из Лермонтова „Пророк“, „Спор“, „Ветка Палестины“ и т. д.

В лице Налбандяна мы имеем яркий образ истинного писателя. Он любил свой народ и всю свою жизнь целиком посвятил великому делу его. Он верил в силу народа, в победу народа в его борьбе.

Налбандян видел освобождение и спасение армянского народа в освобождении великого русского народа и он вместе с великими сынами русского народа повел борьбу и пал на тернистом пути русского освободительного движения. Этот путь освещен великими и светлыми именами и среди них занимает свое почетное место имя Микаела Налбандяна.

IV

Одним из выдающихся поэтов шестидесятых годов был Смбат Шахазиз (1841—1907). Он родился в селении Аштарак (Армения). В 1852 году С. Шахазиз уезжает в Москву, поступает в Лазаревский институт; окончив институт, он остается в нем в качестве преподавателя языка и литературы. Вся жизнь Шахазиза протекла в Москве. Он вырос, оформился как поэт в русском литературном мире. Блестяще овладев русским языком, Шахазиз следит со вниманием за всеми явлениями в русской литературе. Литератор Юрий Веселовский в своем труде о Смбате Шахазизе определенно подчеркивает органическую связь Шахазиза с русской литературой. Он пишет: „Мало есть армянских писателей, жизнь и деятельность которых были бы тесно связаны с русской действительностью“¹. Это замечание о Шахазизе совершенно верно. Прожив вдали от своей родины 55 лет, он лишь один раз посетил свое родное село. Все эти годы Шахазиза протекли целиком среди русской действительности. „Лучшие стихи его,—пишет Ю. Веселовский в упомянутом своем труде,—написаны в Москве и ее окрестностях. В своих произведениях он упоминает о Пушкине, Лермонтове, Крылове, Фонвизине, Карамзине, Шишкове, „Современнике“ и „Русском Вестнике“ шестидесятых годов и т. д.“² Сам Шахазиз не отрицал влияния русской литературы и вообще русской культуры на его произведения: считая это обстоятельство положительным явлением, он сам отмечал его. На вопрос о том, какое оказало влияние на его произведения русская литература, Шахазиз отвечает: „Нечего и говорить, что на меня, как и на все мое поколение, оказали сильное воздействие эпоха великих реформ и ее отражения в русской умственной жизни. „Скорбь Леона“, где обличаются темные явления армянской действительности“.

¹ Ю. Веселовский. Армянский поэт Смбат Шахазиз, стр. 11, 1905 г.

² Там же, стр. 16.

тельности и высказываются мечты относительно ее возрождения, в значительной степени создалась под влиянием того воодушевления, которое было вызвано освобождением крестьян. В товарищеском кругу я принадлежал к числу тех молодых людей, которые всего усерднее следили тогда за русскими журналами, напр., за „Современником“, и затрагивавшимися в них вопросами... Из „Современника“ 1859 г. взят эпиграф к одной из песен „Скорбь Леона“. ...прочитанное мною стихотворение Добролюбова „Милый друг, я умираю“ внушило мне идею собственного стихотворения, которое у меня начинается почти также, но далее носит уже другой характер, имеет непосредственное отношение к судьбе армян¹.

Эти строки Шахазиза блестяще свидетельствуют о том, как передовая армянская интеллигенция того времени, во главе с Налбандяном, была связана с передовыми движениями русской умственной жизни шестидесятых годов. Самое важное в приведенных выше строках Шахазиза—это упоминание о „Современнике“, за которым „всего усерднее следил“ Шахазиз. Как известно, „Современник“ шестидесятых годов был самым передовым революционно-демократическим журналом в России. Это было в тот период, когда „Современник“ возглавляли Чернышевский, Добролюбов, Некрасов и другие революционные демократы.

Шахазиз был прав, когда он считал, что русская литература и общественная мысль оказывали свое влияние не только на отдельные личности, но и „на все поколение“ его. Это очень важное обстоятельство. Оно подтверждает именно ту нашу мысль, что армянская культура, литература и искусство XIX века действительно развивались под влиянием русской культуры.

Зрелый период своей жизни Шахазиз также начал на страницах „Юсисапайла“.

Появляющиеся в „Юсисапайле“ статьи Налбандяна, насыщенные революционной страстностью, оказали огромное влияние на молодого поэта Шахазиза. Правда, Шахазизу не удалось подняться до уровня революционно-демократической мысли Налбандяна, но все же большое влияние последнего на Шахазиза очевидно.

В 1865 г. в Москве вышел в свет об'емистый сборник произведений Шахазиза. В него вошли известная поэма его „Скорбь Леона“ и ряд лирических стихов. Тема этих стихов—любовь к родине, размышления о жизни и смерти и пр. В сборнике был помещен с некоторыми изменениями и дополнениями также перевод стихотворения Добролюбова „Милый друг, я умираю“. Но важное значение в сборнике имела „Скорбь Леона“. Эта поэма представляла одно из важнейших явлений в армянской литературе и не даром в то время она стала центром внимания литературного мира. Затронутые в поэме

¹ Ю. Веселовский. Русское влияние в современной армянской литературе, стр. 14—15, 1909 г.

общественные вопросы были весьма свежи в политическом отношении. Поэма начинается известными строками из „Героя нашего времени“ Лермонтова: „Довольно людей кормили сластями; у них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины“. Вооружив героя своей поэмы Леона идеями шестидесятых годов, Шахазиз переводит его на родину. Леон был образованным человеком, он отправляется на родину с серьезными планами, намереваясь преобразовать и просветить ее. Выезжая из Москвы, он берет с собой „вдохновенные песни“ Гейне и Беранже, „Фауст“ Гете, „Чайльд-Гарольд“ Байрона, трагедии Шекспира и наряду с этими произведениями—„несколько песен нашего знакомого Комса“ (т. е. Налбандяна). На страницах этой поэмы Шахазиз говорит о Комсе (Налбандяне) с теплой симпатией. Не случайно, конечно, то, что наряду с великими мировыми произведениями Леон Шахазиза везет с собой на родину также боевые революционные песни Налбандяна для того, чтобы будить и просвещать свой народ.

В той же поэме Шахазиз говорит об итальянском освободительном движении, упоминает о Джузеппе Гарибальди и других. Как мы видим, герой Шахазиза Леон едет к себе на родину не на отдых, а с определенной целью, с определенной общественной миссией.

Леон застаёт свою родину в тяжелом и безотрадном положении. Отсталость, невежество и предрассудки, царившие в народе, тяжелое экономическое и политическое положение страны, разорение и разруха, насилие, гнет и эксплуатация,—все это глубоко волнует Леона. Он с горечью проповедует просвещение, культуру, выдвигает широкие планы просвещения родины, но не понимает того, что сложные общественные вопросы нельзя разрешать лишь проповедью, призывом к культуре. Носитель идей просветителей шестидесятых годов Леон был лишен духа революционной борьбы, а потому само собой понятно, что речи Леона не могли дать ощутительных результатов, и сам Леон, попав в тупик, скоро должен был притти к убеждению, что предлагаемыми им средствами нельзя преобразовать общество, невозможно ликвидировать эксплуатацию и гнет.

Все же появление поэмы оказалось значительным явлением в армянской литературе. Во всей поэме заметно сильное влияние русских просветителей шестидесятых годов. Она содержит реалистические картины, рисующие армянскую действительность.

„Скорбь Леона“ как в отношении формы, так и содержания носит в себе признаки влияния двух великих гениев русской литературы—Пушкина и Лермонтова. Сам Шахазиз также не отрицает этого влияния на „Скорбь Леона“ и вообще на все его творчество. Вот что пишет он об этом влиянии, спустя десятки лет, в одном из своих писем к Юрию Веселовскому: „Из русских поэтов наиболее сильное впечатление произвели на меня, конечно, *Пушкин* и *Лермонтов!*... Пушкином я всегда увлекался, прежде всего,—как *разносторонним и правдивым поэтом-художником*, творчество которого

представляет собою для отзывчивого читателя как бы прекрасный, цветущий сад, блестящий райской красотой... Следы влияния его поэзии, в частности „Евгения Онегина“ (до известной степени даже „Графа Нулина“), заметны местами в моей „Скорби Леона“. Независимо от этого, я когда-то задумал и начал писать поэму из новой армянской жизни, которая явилась бы отчасти подражанием „Евгению Онегину“, в особенности—романтической завязке поэмы, истории Татьяны. Раньше этого, в моих „Часах досуга“ я уже пробовал, как умел, подражать Пушкину,—перевел его стихотворение „Кубок янтарный“, сделал в некоторых случаях отдельные его стихи эпиграфами к моим собственным вещам, написанным под его влиянием“¹.

В том же письме о влиянии Лермонтова Шахазиз пишет: „Что касается Лермонтова, то его произведения (например, „Герой нашего времени“) всегда наводили меня на много дум, действовали на меня своим внутренним содержанием, давали известные мотивы и темы для разработки. Если эпиграф к „Скорби Леона“ взят из „Героя нашего времени“, если раньше этого в „Часах досуга“ упомянуто в одном случае имя Лермонтова, то и в моей книге „Несколько слов моим читателям“, появившейся в 1903 г., цитируется Лермонтов—в том месте, где я говорю о желательном отношении современной молодежи к прошлому родины“².

Как видите, вся жизнь и литературная деятельность Шахизиза целиком связана с русской действительностью и русской литературой. В этой именно действительности и под влиянием этой великой литературы великого народа вырос и оформился один из виднейших армянских поэтов шестидесятих годов—Смбат Шахазиз.

V

История армянской театральной культуры берет свое начало из глубин далекого прошлого. Но будучи лишена твердой социальной базы, эта культура не могла попасть в русло нормального своего развития.

Армянская интеллигенция русской Армении не могла оставить без внимания наравне с литературой также такую область, как театр. Однако в самой Армении не было еще соответствующих условий для развития театральной культуры. Поэтому не удивительно, что первое представление на армянском языке имело место в Москве. В 1858 году группа студентов-армян в Москве положила основу нового армянского театра постановкой комедии Ованеса Гургенбеяна „Хаджи Сулейман“.

Мысль о том, чтобы иметь в Закавказье армянский национальный театр, созрела давно. В Тифлисе уже существовал русский театр, организованный еще в сороковых годах XIX века.

¹ Ю. Веселовский. Русское влияние в современной армянской литературе, стр. 12—13.

² Там же.

К концу пятидесятих годов Тифлисским русским театром уже был поставлен ряд известных произведений русской и европейской драматургии—пьесы Грибоедова, Гоголя, Островского, Мольера и других классиков. Существовал также грузинский театр. Таким образом в Тифлисе накопился известный опыт театральной культуры, когда в 1859 году там был основан также армянский театр. В первый период своего существования этот театр ставил пьесы М. Патканяна, М. Тер-Григоряна и ряда других авторов. Но пьесы эти, будучи слабы в художественном и идейном отношении, не могли долго удержаться на сцене армянского театра и удовлетворять требованиям армянского общества. Армянский театр нуждался в более сильном драматурге и театральном деятеле.

В этот именно исторический период выступил на сцену крупнейший армянский драматург Габриел Сундукян (1825—1912 гг.).

Габриел Сундукян родился в Тифлисе, в зажиточной семье. Свое первоначальное образование он получил дома, у приглашенных специально учителей. Наряду с другими языками он с особым вниманием и усердием изучает также русский язык. В 1840 г. Сундукян поступает в Тифлисскую гимназию, которую успешно оканчивает через шесть лет. В гимназические свои годы он глубоко увлекается русской культурой, литературой и искусством. Именно гимназия дает ему возможность определить дальнейший путь своего развития.

Окончив гимназию в 1846 году, Сундукян уезжает в Петербург и поступает на историко-филологический факультет Петербургского университета. В том же году приезжает в Петербург из Саратова Н. Г. Чернышевский, который также поступает на историко-филологический факультет университета. И вот Чернышевский и Сундукян учатся в одном и том же университете, на одном и том же факультете четыре года, и оба оканчивают курс одновременно в 1850 году. Как известно, Чернышевский в свои студенческие годы в Петербурге имел огромное влияние на студенчество. У нас сейчас нет под рукой конкретных фактов о связи между Чернышевским и Сундукяном, но не подлежит никакому сомнению, что возвращавшийся из Петербурга на родину Сундукян в деле развития и организации своих демократических идей многим был обязан Чернышевскому. Вообще петербургский период жизни Сундукяна сыграл решающую роль в деле развития этого будущего крупного драматурга. Петербург благодаря своей географической близости к Европе и установлению общественной и культурной связи с ней уже стал центром передовой русской мысли того времени. Быстрыми темпами развивалась в особенности театральная культура. На русской сцене выступали уже такие видные фигуры, как Мартынов, Каратыгин, Щепкин и многие другие. В русском театральном репертуаре числились уже такие классические произведения национальной драматургии, как, напр., „Горе от ума“ Грибоедова, „Ревизор“ Гоголя и многие другие. Драматургия Островского уже проникла в театр.

После культурно-отсталой кавказской действительности Петербург становится для молодого Сундукяна действительным очагом его мечтаний. Он буквально проглатывает всякое новое завоевание русской театральной культуры. Петербург дает Сундукяну возможность основательно изучить также западно-европейскую драматургию и театр.

В письме своем к Юрию Веселовскому в 1898 г. Сундукян пишет: „Какая была радость и что я испытывал в Петербурге в 1846 году, когда я впервые видел Каратыгина в роли Фердинанда. Я полюбил театр и с тех пор я не пропускал ни одной известной пьесы, дававшейся в Александринском театре, где поражали меня своей игрой Мартынов, Каратыгин, Щепкин, приезжавший из Москвы, и многие другие. Щепкин-Фамусов у меня и теперь перед глазами, и мне кажется, что я сейчас слышу его голос, хотя после того прошло уже более 50-ти лет“¹.

На вопрос Юрия Веселовского о том, кто из русских писателей оказал на него больше влияния, Сундукян, в письме своем от 19 ноября 1902 года, пишет: „На заданный мне вопрос отвечаю Вам вполне откровенно, что родившись и воспитавшись в России, пройдя русскую гимназию, русский университет, слушая русских профессоров, в особенности профессора словесности Никитенко, в течение четырех лет (1846—1850) в Петербургском университете, я естественно должен был находиться под влиянием русской умственной жизни. Но какие именно русские писатели всего более повлияли на меня и какие сочинения этих писателей произвели на меня особенное впечатление, определить мне теперь трудно. Мне кажется, что я им всем более или менее обязан моим умственным развитием“².

Сундукян имел счастье лично познакомиться с крупным русским драматургом А. Н. Островским, произведения которого он оценивал высоко. Нужно заметить, что творчество Островского сыграло немалую роль в жизни Сундукяна, как драматурга. И Островский со своей стороны высоко ценил великого драматурга армянского народа. В бытность свою в Тифлисе он взял у автора первый русский перевод „Пепо“ в рукописи для редактирования и постановки его в Москве. В этом отношении заслуживает внимания ответное письмо Сундукяна, посланное им в редакцию журнала „Русская старина“ в 1911 году, в котором он говорит о своем знакомстве с Островским. Сундукян пишет: „Имею честь сообщить Вам, что с А. Н. Островским я имел счастье познакомиться в бытность его в Тифлисе, за обедом у инженера Бахметьева, и у нас очень скоро завязался с ним приятный, дружеский разговор о литературе, театре, просвещении народа и т. п.

Вскоре после того состоялся в честь его спектакль на грузин-

¹ Г. Сундукян. Полное собр. сочинений, стр. 433 (арм. издание).

² Там же, стр. 434.

ском языке в Театре грузинского дворянства. Играли пьесы А. Н., мою и еще что-то, теперь уже не припомню.

А. Н. сидел в ложе бельэтажа, я в партере.

По окончании представления пьесы А. Н., я, во время шумных аплодисментов по его адресу, побежал наверх, чтобы пожать его дорогую руку, что и исполнил, встретив его в коридоре. Он меня завел в свою ложу, познакомил с сидевшим там братом своим—министром государственных имуществ, посадил и меня рядом с ним. Оба они были очень любезны, внимательны ко мне и до конца спектакля уже не выпускали меня из своей ложи.

А. Н., узнав, что у меня есть рукописный перевод на русский язык моей пьесы „Пепо“, взял его у меня перед отъездом в Москву, обещал просмотреть, исправить, если нужно, язык и поставить ее там на сцене.

Однако желание А. Н. не могло быть исполнено вследствие его болезни и последовавшей затем смерти его к величайшему прискорбию всей интеллигенции России.

Доброго отношения ко мне А. Н. я никогда не забуду“...

В конце того же письма имеются следующие теплые строки по адресу Щепкина: „Что же касается знаменитого Щепкина, то могу Вам сообщить, что я видел его несколько раз на сцене Александринского театра, когда он приезжал из Москвы.“

Хотя после этого прошло более 60 лет, но впечатление от его талантливой игры никогда не изгладится из моей памяти. Особенно хорошо помню с какой яркостью передавал он заключительный монолог городничего в „Ревизоре“¹.

Сильное влияние, оказанное гениальным автором „Мертвых душ“ и „Ревизора“ на Сундукяна неоспоримо. Сундукян не раз высказывал свое глубокое и безграничное восхищение гениальными произведениями Гоголя. В этом отношении характерен один документ. В 1908 году Общество любителей русской словесности обратилось к Сундукяну с предложением принять участие в торжестве по поводу открытия памятника Гоголю. Не будучи в состоянии принять личное участие в этом знаменитом торжестве, Сундукян послал в комиссию следующее письмо:

„Выражая горячую признательность комиссии за внимание, жалею от всей души, что не могу лично присутствовать на торжестве открытия памятника великому творцу бессмертного „Ревизора“ Н. В. Гоголю. Мне теперь 83 года. Мысленно переносюсь теперь в то далекое время, когда студентом жил я в Петербурге и видел в роли городничего покойного Щепкина. Тогда углубилась и окрепла моя безграничная любовь к театру, которому я и посвятил свои лучшие годы, которому отдал свои произведения, частицы моей души, мои мысли, чувства. С именем Гоголя связаны у меня лучшие воспоми-

¹ Г. Сундукян. Полное собрание сочинений, стр. 435.

нения; этому, имени не мало я обязан и своей любовью к театру. Вот почему с чувством особого глубокого почтения низко кланяюсь памятнику автора „Мертвых душ“ и с дальнего Кавказа шлю сердечный привет всем устроителям праздника, одинаково дорогого всем гражданам России без различия их национальности“¹.

До конца своей жизни Сундукян был связан с русским театром. Он был знаком с видными деятелями русской сцены. Знаменитая артистка Г. Федотова, в ответ на приветственную телеграмму Сундукяна по поводу пятидесятилетия ее сценической деятельности, послала Сундукяну 8 января 1912 года свою карточку со следующей надписью: „Глубоко тронута лестным вниманием великого писателя, напоминающего мне нашего незабвенного Островского“².

Сундукян является одним из тех представителей армянской классической литературы, которые пользуются популярностью также среди других народов. Его сочинения переведены, за редким исключением, на многие языки.

Знаменитая комедия Сундукяна „Пепо“ была переведена еще при жизни автора на грузинский, азербайджанский, русский, французский и другие языки. Еще до революции „Пепо“ было переведено на русский язык три раза (в 1883, 1896 и 1916 г.г.). Это обстоятельство само говорит о ценности пьесы, тем более, если принять во внимание то, что пьесы переводились вообще редко. На русский язык переведены также другие комедии Сундукяна. Его произведения получили блестящую оценку в русской печати того времени. О его творчестве говорили с восхищением крупнейшие представители русской литературы, как напр. Островский, М. Горький, В. Брюсов и многие другие.

Знаменитый литератор академик Алексей Веселовский, который долгие годы занимался историей развития европейского театра и драматургии и выпустил весьма ценные исследования в этом направлении, в своей статье о Сундукяне пишет:

„С Сундукяном идейно, заочно, я был уже знаком и меня влекло к нему. Познакомил нас его „Пепо“, это сверкающее истинным комизмом, бытовой народной силой, гуманной мыслью, лучшее его создание, полное неподдельно живых образов, окружающих центральное лицо комедии, армянского Фигаро, с его вызовом и протестом против старого, несправедливого строя, с юмором кинто и боевой отвагой выходца из народной толпы. Блеск и яркость комедии поразили и в чтении ее русского перевода...“³.

Алексей Веселовский высоко оценивает „Пепо“ Сундукяна, сравнивая его с произведениями Островского: „Во всем бытовом театре Островского нет ничего ему под пару и по замыслу, и по характеристике главного лица, с его социальной и народной основой, в то

¹ „Закавказье“, № 61, 1909 г.

² Литературный музей Армении. Сундукяновский фонд.

³ „Армянский вестник“, № 31, 1916 г.

же время с метко схваченными общими, человеческими красками возбуждения и печального комизма¹.

В 1896 г. Алексей Веселовский познакомился в Тифлисе с Сундукяном, после этого они часто встречались и подолгу беседовали по многим вопросам литературы, театра и искусства. О своих впечатлениях от Сундукяна и беседах с ним Веселовский пишет:

„Любовь к своему народу и желание духовной пользы для него светились в этих речах, чуждых всего показного, полных ума, таланта, юмора. Остроумные характеристики народного быта во всех его слоях, начиная с допотопного уровня косной массы и выходя к мишурной культуре и себялюбию зажиточных верхов, любопытнейшие авторские пояснения о характерах и лицах, выведенных в его пьесах, особенно в главной его комедии, сменялись рассуждениями и взглядами, отражавшими обширную начитанность в русской и западной литературе и серьезный склад обобщающей мысли“².

Заслуживает внимания отношение Максима Горького к „Пепо“. Как известно, в „Сборнике армянской литературы“, вышедшем в свет в 1916 году под редакцией Горького, целиком помещено „Пепо“ в новом переводе. Сборник был составлен поэтом Ваганом Терьяном, который активно сотрудничал в этом деле с Горьким. В письмах Терьяна, написанных в этот период, имеется ряд упоминаний о Горьком и о работе, связанной со сборником. В письме своем из Петербурга от 2 апреля 1915 г. Терьян пишет одному из своих знакомых: „Как-нибудь достань русский перевод „Пепо“ (Цатурян и Веселовский), пошли как можно скорее,—просил Горький—хочет перевести „Пепо“ (сначала хочет познакомиться с ним).“

А в письме своем, написанном в июне месяце 1915 года, Терьян уже определенно пишет о переводе „Пепо“: „В сборник войдет „Пепо“, который перевели я и Горький“.

В литературном музее Армении хранится перевод „Пепо“ на русский язык в рукописи, над которой работал Горький. Та огромная работа, которую проделал Горький над каждой строкой, над каждым словом перевода, свидетельствует о том, что Горький ставил „Пепо“ в ряд великих творений искусства и любимых им произведений. Лишь при этих условиях Горький мог работать над переводом „Пепо“, не имея вообще склонности заниматься переводами. Как известно из печати, Горький говорил с восхищением также о кинофильме „Пепо“.

Кроме „Пепо“, Сундукян дал много других ценных произведений, как, напр., „Хатабала“, „Разоренный очаг“ и пр. Сундукян является величайшим драматургом армянского народа. Он был передовым и образованнейшим человеком своего времени, владел несколькими языками. Он свободно владел французским языком и

¹ „Армянский вестник“, № 31, 1916 г.

² Там же.

очень хорошо знал французскую культуру и литературу, вел переписку с знаменитыми французскими писателями (Виктор Гюго, Александр Дюма (сын) и др.).

Используя достижения русской и европейской культуры, Сундукян сумел своими бессмертными творениями произвести переворот в армянской театральной жизни, поставить армянский театр и драматургию на новый, реалистический путь развития.

Произведения Сундукяна представляют собой вершину армянской реалистической драматургии. Комедии его до сих пор являются красой и гордостью нашего театра.

(Продолжение следует)